

УДК 94(470+571) «191801922»

Гражданская война в России: к проблеме памяти и забвения

Кургузов Владимир Лукич

Доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
670013, Российская Федерация, Республика Бурятия, Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40-А;
e-mail: vlkurguzov@rambler.ru

Аннотация

В статье анализируются проблемы исторической памяти и забвения о событиях Гражданской войны 1918-1922 гг. в России, сделаны выводы о негативных тенденциях проявления этой памяти в историческом и социокультурном пространстве современной России.

Для цитирования в научных исследованиях

Кургузов В.Л. Гражданская война в России: к проблеме памяти и забвения // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2016. № 4-5. С. 10-19.

Ключевые слова

Россия, история, гражданская война, интервенция, патриотизм, память, забвение.

Введение

Анализируя проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения в ходе гражданской войны в России (1918 – 1922 гг.), вряд ли следует забывать о том, что все они «концентрируются не только в пространстве исторической памяти, но и исторического забвения тоже, ибо память, это всегда вторая сторона забвения, которое, к счастью, никогда не бывает полным». [Кургузов, 2011, с. 78]. Многие события Гражданской войны и интервенции уже основательно забыты в своей конкретике и нередко предстают сегодня перед нами в виде своеобразного «белого пятна» истории. При этом прошлое чаще всего предстает в настоящем в идеализированном виде, и это естественно.

Сегодняшнее обращение к памяти о Гражданской войне в России объясняется, во-первых, тем, что вскоре исполняется ровно 100 лет со дня революции, следствием которой и стала не только гражданская война, но и военная интервенция в постреволюционной России. А во-вторых, историческая память всегда обостряется в период кризисов,

наличие которого в сегодняшней России вряд ли кто-либо будет отрицать, т. к. именно тогда и начинается отрицание деяний поколений «отцов» и происходит обращение к опыту и достижениям «дедов». Именно таким образом возврат «к истокам» становится прокладкой путей в будущее, а воссоздание старого в новых условиях не может быть ничем иным как творением нового, являя собой один из вариантов проявления гегелевской «хитрости разума», ведущего людей отчужденными путями истории. Подобная постановка вопроса означает, что центральным понятием наряду с «исторической истиной» выступает понятие «исторической справедливости». Однако достижение исторической справедливости и умиротворенной памяти возможно только на путях социальной справедливости. Но, поскольку до торжества социальной справедливости в современной России еще далеко, то, наивно было бы полагать, что до установления исторической истины рукой подать.

Диалектика памяти и забвения убедительно отражена в отечественной историографии Гражданской войны и интервенции (1918 – 1922 гг.). В этой историографии можно выделить четыре периода: с 1917 г. до середины 1930-х годов; с середины 1930-х до середины 1950-х, с середины 1950-х гг. до 1990-х гг., с начала 1990-х по настоящее время. При этом работы, например, 1920-30-х годов создавались без заданных концепций по сравнению с последующими периодами давления идеологии. В то же время классовый подход уже на первом этапе сказался на негативном освещении белого движения.

Сегодня идеология тоже довлеет над фактами. И это вопреки 13 статьи действующей Конституции РФ, принятой уже в новой, постсоветской России 12 декабря 1993 года, которая гласит: 1. «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие .2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [Конституция РФ, 1999, 7]. Но ни одно общество, даже первобытное, не просуществует даже одного дня без конкретной идеологии; отрицание идеологии само по себе уже идеология.

Автор статьи всецело поддерживает вывод иркутского историка С. Волкова, который в своей книге «Призрак золотого эшелона Колчака» пишет о том, что современные историки даже в фундаментальном труде «Историческая энциклопедия Сибири», (Новосибирск, 2009), «крайне скупо..., всего несколькими строками» упоминают «об иностранной интервенции стран Антанты против большевистской России (1919 – 1920 гг.)». [Волков, 2013, 192]. Случайно ли это? Нет, как я вполне, вполне осознано.

О дуализме оценок Гражданской войны в постсоветской России

Как известно, Берлинская стена давно рухнула. Запад отметил Михаила Горбачева Нобелевской премией мира. Однако по инициативе уже другого лауреата Нобелевской премии мира, бывшего президента США Барака Обамы, возникла другая – стена американских во-

енных баз, практически на границах с Россией, некоторые из которых оснащены ядерным оружием. Выходит, что новая интервенция против России вовсе не сброшена со счетов. Но, история учит, что любая интервенция не может обойтись без опоры на внутренний ресурс. Этого и доказывать никому не надо. Надо лишь такой ресурс организовать.

Приведем некоторые примеры.

В 90-е гг. прошлого века по всей России вполне легально распространялся журнал «Наши вести», издающийся в США русскими эмигрантами-белогвардейцами. Без особого труда можно было приобрести газету «Наша страна», основанную в 1948 году известным монархистом И.Л. Солоневичем: газета до сих пор издается в Аргентине и активно распространяется не только в России, но и в странах русской эмиграции. Характерен ее девиз: «После падения большевизма только царь спасет Россию от нового партийного рабства».

Вот, что писал об этом другой С. Волков, один из постоянных ее авторов, доктор исторических наук из Москвы в одной из передовых статей с риторическим названием: «Есть ли в России белые?»: «Я, слава богу, не единственный, кто может в России с чистой совестью назвать себя белым... Белое дело рано или поздно победит в России... Мне ненавистны коммунизм и советчина (*выделено мной – К.В.*), но я с радостью протяну руку любому, кто от них откажется... превратись они на деле в таких же белых – непримиримых антикоммунистов, предай они проклятию все наследие советского режима и его защитников и признай возвращение к дореволюционным ценностям единственно возможным путем» [Волков, Белая правда, 1994, 1].

В другой своей статье «Принудительный ассортимент», опубликованной в этой же газете позже, С. Волков пишет: «Теперь, конечно, можно издавать литературу любого содержания и никто «сверху» не следит за соблюдением нормы, однако традиция этого благополучно продолжается... Если опубликуют, скажем, «Красный террор» Мельгунова – так непременно снабдят послесловием с рассуждениями об «эксцессах белого террора», выпустят воспоминания руководителей белого движения – так не забудут указать в предисловии на «тендециозность», и «односторонность» и т.д и т.п.». [Волков, Принудительный ассортимент, 1994, 1].

Между тем в Москве, по данным этой же газеты, еще в 1993 году был создан белогвардейский Добровольческий корпус, 1-й Дроздовский стрелковый полк (2-х ротного состава), Алексеевский партизанский полк, Ижевский батальон, Корниловский ударный полк и другие формирования. Была оформлена структура Добровольческого корпуса, включающая в себя отдел внешних связей (работа, направленная на объединение и сотрудничество с представителями других городов России); информационный отдел (работа, связанная с архивными научными изысканиями), военно-прикладной отдел и отдел песенного и музыкального наследия Белой армии. Корпус выпускает даже свою газету «Доброволец».

Параллельно с процессами возрождения монархизма в постсоветской России идет поток преклонения перед англоязычной культурой. С начала 90-х годов прошлого века в стране синхронно идет процесс уничтожения памяти о достижениях советского периода истории, развал советской системы образования. Начиная с 90-х годов прошлого века, школьные учебники по истории у нас менялись практически каждый год, взвешенного учебника по истории России нет. А посему, как шутил Пушкин: «У нас есть три истории России: одна для гостиницы, другая для гостиницы, третья для гостиницы двора». Между тем, у государства одна история и учебник должен быть один.

Сегодня мы видим, как некоторые потомки белогвардейцев из казачества Забайкалья призывают к сбору средств на возведение памятника пособнику японских интервентов атаману Семенову, повешенному решением Трибунала в 1945 году в Чите. Речь идет о том атамане, которого даже командир американского корпуса интервентов генерал Грэвс в своей известной книге «Американская авантюра в Сибири» назвал «отпетым негодяем, бандитом и убийцей» [Грэвс, 1932, 185].

Некоторые «патриоты» готовы поставить (или уже поставили?) памятники на Дону атаману Краснову, тому, кто добровольно перешел на службу Гитлера, хотя от этой «привилегии» отказался даже царский генерал Деникин. Современный апологет белого движения В. Рудзинский так писал в одном из номеров вышеупомянутой газеты «Наша страна» о Краснове и генерале Власове, который перешел на сторону гитлеровцев в тяжелейшее для нашей страны время: «Генерал Краснов умер как герой в борьбе с большевизмом; Власов разделил его участь. Мы останемся верны их заветам» [Рудзинский, 1994, 1].

Далеко не случайно малочисленных представителей современного донского казачества стал ходить по рукам ксерокопированный вариант песни, написанной белым казаком Сюсюкиным на улицах фашистского Берлина в июле 1942 года. А после захвата гитлеровцами Новочеркаска текст этой песни был опубликован в местной газете «Новочеркасский вестник» от 14 октября 1942 года. Вот несколько строк из этой песни, которые говорят о многом:

Вспомним близкого, родного, атамана мы Краснова,
Вспомним все его наказы, чтобы с немцами дружить...
Донцы храбро будут драться, беспощадно врагов бить
От насильников советских, коммунистов-палачей
Мы священный Дон очистим и навек освободим...
Нам поможет Адольф Гитлер и немецкий весь народ.
Мы же Гитлера восславим и за ним везде пойдем
На Дону порядок будет, будет Божья Благодать,
А за это все и донцы должны немцам помогать... [Сюсюкин, 1942, 2].

Лозунг «Никто не забыт и ничто не забыто...» относится не только к патриотам.

Из адмирала Колчака у нас сегодня сотворили ученого гидролога-романтика, героя кинофильмов. При этом забывается тот факт, что «верховный правитель Сибири» Колчак и его

правительство в Омске начиная с 1918 года, существовали исключительно на деньги стран Антанты. Все его советники были из Англии (полковник Вечвуд), Франции (генерал Жанен) и США (генерал Грэвс).

Еще 26 января 1999 г. военный суд Забайкальского военного округа признал Колчака не подлежащим реабилитации. Суд решил: «Колчак не остановил террора в отношении гражданского населения и как человек, совершивший преступления против мира и человечности, не подлежит реабилитации». Но в январе 2001 года этот вердикт пришлось подтверждать уже в Военной коллегии Верховного суда РФ, а 4 мая 2005 года главная военная прокуратура РФ, вернувшись в *пятый* раз к вопросу о реабилитации Колчака, вновь отказала с формулировкой: «Бывший верховный правитель Сибири повинен в массовом терроре против сторонников Советской власти и не подлежит реабилитации, заслуги адмирала в дореволюционный период не могут служить основанием для реабилитации». Последний раз в реабилитации Колчака отказала уже прокуратура Омской области в январе 2007 года. Но, несмотря ни на что, памятник Колчаку все же возведен на берегу Ангары в самом центре Иркутска.

Все это говорит о том, что сегодня нам как воздух нужно знание и другой стороны прошлого. Именно эта, другая история, на мой взгляд, и есть самый мощный потенциал воспитания гражданина и патриота страны.

С учетом сказанного, мы не имеем права, даже по прошествии ста лет выбросить из своей памяти многочисленные факты террора со стороны белогвардейцев и иностранных интервентов в ходе гражданской войны 1918-1922 гг. на огромной территории Сибири и Дальнего Востока.

Октябрь 1917 г. США. Победа социалистической революции в центре, а затем и на окраинах России вызвала шок в США, развернулась антисоветская компания [Форстер, 1953, 517].

Ноябрь 1917 г. Вашингтон. США прервали дипломатические отношения с Россией, не признав легитимность большевистского режима.

Ноябрь 1917 г. Токио. Японское правительство официально заявило, что Япония готова взять на себя проведение интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири на следующих условиях: «В Сибири будет действовать против большевиков только японская армия, без вмешательства союзных войск... Только одна Япония будет иметь право на получение концессий на рудники, рыбные ловли и леса в Восточной Сибири» [Вестник..., 1922, 8].

18 января 1918 г. Генеральный штаб главного командования армиями Антанты принял резолюцию «О необходимости интервенции союзников в Россию». В ней говорилось: «Большевистский режим несовместим с установлением прочного мира. Для держав Антанты жизненной необходимостью является уничтожение его как можно скорее» [Цит. по: Гражданская война..., 1924].

Январь 1918 г. Забайкалье. Атаман Семенов арестовал и расстрелял членов Совета на станции Манчжурия. По его распоряжению трупы были отправлены в опломбиро-

ванном вагоне в Читу. В то же время он послал в адрес проходящего в Чите съезда Советов сельских депутатов телеграмму, в которой требовал разоружения революционеров и предлагал всем большевикам оставить пределы Забайкалья [Забайкальский рабочий, 1918].

8 июля 1918 г. Владивосток. В городе установился белый террор. Введены военно-полевые суды. На улицах повторяется картина, напоминающая последние дни Парижской коммуны. Белогвардейцев забрасывают цветами, арестованных рабочих избивают.

2 сентября 1918 г. Бурт-Монголия. Интервенты и белогвардейцы захватили город Троицкосавск (ныне – Кяхта – К.В.) и расстреляли видных советских работников К.А. Маскова, В.Д. Жданнова, А.В. Назимова, В.В. Арсентьева и др. Через несколько дней был расстрелян и известный бурятский революционер Ц.Ц. Ранжуров [Элиасов, 1953, 130].

4 сентября 1918 г. Забайкалье. В Чите был замучен белогвардейцами бывший член Государственной думы от фракции социал-демократов В.М. Серов, председатель Прибайкальского Совета рабочих и солдатских депутатов.

4 сентября 1918 г. Хабаровск. В 6 часов 30 минут отрядом ставленника Японии атамана Калмыкова совместно с эскадром японской кавалерии занята восточная часть города Хабаровска. Красноармейские части отступили на левый берег Амура. В этот же день Калмыков в городском саду, на утесе Амура, расстрелял 16 музыкантов – военнопленных австрийцев, сочувствующих Советской власти [Дальневосточная окраина, 1918].

8 января 1920 года. Верхнеудинск (ныне – Улан-Удэ – К.В). В район восстания крестьянского населения Забайкалья выступил отряд «дикой дивизии», которая состояла частично из монголов-чахар, нанятых атаманом Семеновым, частью из русских белогвардейцев, численностью более 1 тыс., под командованием генерала Гун-Левицкого. Эта «дивизия» отличалась зверскими расправами с населением Забайкалья. Произведя грабежи и убийства, «дикая дивизия» заняла села Бабкино и Янгожинские ключи, а также село Ганзуоино, ограбив население и устроив пожарище. Вот что сообщалось по этому поводу в письме Ганзуринского сельского комитета в Селенгинский военно-революционный штаб: «Эта дикая банда ворвалась в Ганзурино и тотчас же принялась грабить, что попало ей под руки: одежду, обувь, белье самовары, швейные машины, затем принялась за съестные припасы... Мало того, что забирали все гожее на пищу и на корм лошадей, но хлеб в зерне, муку и прочие рассыпали на земле и соломе.... На другой день зажгла в восьми местах селение и все, что осталось им ненужное или не ограбленное погорело вместе с домами. Сгорело много хлеба, кур, свиней, сгорели амбары полные зерна, общим количеством более 2 тысяч пудов, погорели сараи и гумна, и с ними сохи, плуги, бороны, повозки. Сани, сбруя... много сена и соломы. Забрали у нас лучших коней 72 головы. Но этим лютый враг не насытился и, выступая из объятых пламенем селения, по пути поджег зароды сена, стоящие на лугах...» [Прибайкалье, 1920].

27-28 сентября 1918 г. Верхнеудинск. Первые эшелоны японских войск прибыли в Верхнеудинск (*ныне – Улан-Удэ – К.В.*) и расположились в военном городке на станции Дивизионная. Над зданием вокзала станции Верхнеудинск и почтово-телеграфной конторы были подняты японские флаги. Все важнейшие пункты от Тихого океана до Байкала, вдоль железной дороги, были заняты японскими войсками. Из воззвания начальника 5-ой японской дивизии генерала Судзуки к местному населению объявлялось, что цель японских войск – «стереть большевиков с лица земли», и что «все содействующие большевикам будут строго наказаны. Наоборот, тому, кто укажет, где скрываются большевики или спрятали оружие, будет выдано вознаграждение...». Смотрите, говорилось в конце воззвания, «...присоединившись к большевикам, вам придется раскаться» [Вестник Забайкалья, 1919]. В другом воззвании, выпущенном позднее, Судзуки заявлял: «Я уверен, что немедленная ликвидация большевиков принесет мир русскому населению» [Грэвс, 1932, xvii].

5 апреля 1922 г. Приморье. Газета «Дальневосточный путь» сообщает, что во время пребывания японских войск в Свиягино начальником гарнизона были установлены следующие правила по отношению к японцам: «Русский гражданин, проходя мимо японцев, обязательно должен был приветствовать их под козырек либо снятием головного убора. При проезде русских граждан верхом или на санях по селу, где расположены были японцы, русские обязаны были снимать головной убор и говорить: «Здравствуйте!» [Дальневосточный путь, 1922].

Мы назвали лишь несколько фактов, предполагая, чем бы могло кончиться порабощение России странами Антанты, Японии и Америки. Эта хроника представляет собой лишь крохотную часть злодеяний белогвардейцев и интервентов на нашей земле. Следует учитывать, что в разгар интервенции от Байкала до Тихого океана было разбросано 120 тысяч японских солдат и офицеров – в три с лишним раза больше, чем оккупантов из США, Англии, Франции и других стран вместе взятых. Оперативный план, разработанный в 1918 году штабом сухопутных сил Японии, ставил перед императорской армией задачу «оккупировать ключевые районы на всей русской территории к востоку от озера Байкал, дабы обеспечить порядок и оказать поддержку русским умеренным элементам».

В опубликованных документах японского генерального штаба зафиксирован факт расправы над жителями дальневосточной деревни Сохатино в январе 1919 года. Все крестьяне, не успевшие укрыться от карателей, были расстреляны «за связи с партизанами». Месяц спустя такая же участь постигла деревню Ивановка в Амурской области. По сведениям выходящей во Владивостоке японской газеты «Урадзио ниппо», около 300 жителей этой деревни, включая женщин и детей, было заперто в своих домах и сожжено. Захватив в начале 1920 года забайкальское село Харашибирь, японцы сожгли его, произвели грабеж и насилие, забирали имущество крестьян, смолоченное зерно рассыпали по земле, а сложенный в скирды хлеб сжигали.

Заключение

Уже после разгрома интервенции советскими войсками, в 1929 году был опубликован план начальника генерального штаба японской императорской армии генерала Танака. Примечательная деталь: западная граница Японии по этому плану проходила по территории стран Юго-Восточной Азии, Китая, Монголии и СССР от Байкала до устья Лены. А на Востоке эта граница проходила вдоль восточного побережья Чукотки и Камчатки, включала в себя острова Курильской гряды и Сахалин.

Очевидно, разгром японцев в годы Гражданской войны в России так ничему и не научил их. Ибо, оккупировав позднее Северо-Восточные территории Китая, Япония сосредоточила миллионную Квантунскую армию на границе Советского Дальнего Востока, отвлекая наши военные силы от кровопролитной битвы с немецко-фашистскими захватчиками на западе нашей страны. Молодежи нашей страны следует помнить о том, что поколение Октября изгнало с нашей земли интервентов.

Библиография

1. Вестник Забайкалья. 1919. №18.
2. Вестник Народного Комиссариата по иностранным делам. 1922. № 1-3. С. 8.
3. Волков С.В. Белая правда// Наша страна (Аргентина). 1994. 9 нояб.
4. Волков С.В. Принудительный ассортимент // Наша страна (Аргентина). 1994. 19 дек.
5. Волков С.Н. Призрак золотого эшелона Колчака. Кругобайкальская железная дорога. Иркутск, 2013. 217 с.
6. Гражданская война в России. 1918-1922 гг. М., 1924. С. 196-187.
7. Грэвс В. Американская авантюра в Сибири. М., 1932. 218 с.
8. Дальневосточная окраина. 1918. № 3627.
9. Дальневосточный путь. 1922. № 101.
10. Забайкальский рабочий. 1918. № 13.
11. Конституция Российской Федерации. Основной Закон. М.: Ось-89, 1999. 50 с.
12. Кургузов В.Л. Историческая память и забвение в культурном пространстве как репрезентация прошлого в настоящем // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2011. № 1. С. 76-90.
13. Прибайкалье. 1920. № 23.
14. Рудзинский В. Возвращение Краснова // Наша страна (Аргентина). 1994. 9 нояб.
15. Сюсюкин А.А. Донская казачья песня // Новочеркасский вестник. 1942. № 54. 14 окт.
16. Форстер У. Очерк политической истории Америки. М., 1953. 918 с.
17. Элиасов Л.Е. Кровавый путь американских оккупантов в Забайкалье в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918 – 1920) // Байкал. 1953. №7. С. 115-151.

Civil war in Russia: on the problem of memory and oblivion

Vladimir L. Kurguzov

Doctor of cultural studies, PhD in history, professor,
East Siberian State University of technology and management,
670013, 40-A Klyuchevskaya st., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russian Federation;
e-mail: vlkurguzov@rambler.ru

Abstract

The article analyzes the problems of historical memory and forgetfulness about the events of the Civil War of 1918-1922 in Russia. Many events of the Civil War and intervention have already been thoroughly forgotten in their specifics and are often presented today as a kind of "white spot" of history. We have no right, even after a hundred years, to throw away from our memory the numerous facts of terror by the White Guards and foreign interventionists during the Civil War of 1918-1922 on the vast territory of Siberia and the Far East. The author cites a few facts, a tiny part of the atrocities of White Guards and interventionists in Russian land. In the midst of the intervention from Baikal to the Pacific Ocean, 120,000 Japanese soldiers and officers were scattered – three times more than the occupiers from the United States, England, France and other countries combined. An operational plan, developed in 1918 by the headquarters of the land forces of Japan, set the task of the Imperial Army to "occupy key areas throughout the Russian territory east of Lake Baikal in order to ensure order and support the Russian moderate elements". The author lists some examples of atrocities of White Guards and interventionists on Soviet land are given, and comes to the conclusion about the negative tendencies of manifestation of this memory in the historical and sociocultural space of modern Russia.

For citation

Kurguzov V.L. (2016) Grazhdanskaya voina v Rossii: k probleme pamyati i zabveniya [Civil war in Russia: on the problem of memory and oblivion]. *"Belye pyatna" rossiiskoi mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 4-5, pp. 10-19.

Keywords

Russia, history, Civil war, intervention, patriotism, memory, oblivion.

Bibliography

1. *Dal'nevostochnaya okraina* [Far Eastern border] (1918), 3627.
2. *Dal'nevostochnyi put'* [Far Eastern route] (1922), 101.

3. Eliasov L.E. (1953) Krovavyi put' amerikanskikh okkupantov v Zabaikal'e v period inostrannoi voennoi interventsii i grazhdanskoi voiny (1918 – 1920) [The bloody way of the American occupation in Transbaikal during the period of foreign military intervention and the Civil War (1918 – 1920)]. *Baikal*, 7, pp. 115-151.
4. Foster W. (1951) *Outline Political History of the Americas*. International Publishers (Rus. ed.: Foster W. (1953) *Ocherk politicheskoi istorii Ameriki*. Moscow).
5. Graves W. (1931) *America's Siberian Adventure (1918-1920)*. New York: Peter Smith Publishers (Russ. ed.: Graves W. (1932) *Amerikanskaya avantюра v Sibiri*. Moscow).
6. *Grazhdanskaya voina v Rossii. 1918-1922 gg.* [Civil war in Russia. 1918-1922] (1924). Moscow.
7. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii* [The Constitution of the Russian Federation] (1999). Moscow: Os'-89 Publ.
8. Kurguzov V.L. (2011) Istoricheskaya pamyat' i zabvenie v kul'turnom prostranstve kak reprezentatsiya proshlogo v nastoyashchem [Historical memory and oblivion in the cultural space as a representation of the past in the present]. *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 1, pp. 76-90.
9. *Pribaikal'e* [Near Baikal] (1920), 23.
10. Rudzinskii V. (1994) Vozvrashchenie Krasnova [Return of Krasnov]. *Nasha strana* [Our country] (Argentine), 9th Nov.
11. Syusyukin A.A. (1942) Donskaya kazach'ya pesnya [Don Cossack song]. *Novocherkasskii vestnik* [Gazette of Novocherkassk], 54. 14th Oct.
12. *Vestnik Narodnogo Komissariata po inostrannym delam* [Bulletin of the People's Commissariat for Foreign Affairs] (1922), 1-3, p. 8.
13. *Vestnik Zabaikal'ya* [Baikal's Bulletin] (1919), 18.
14. Volkov S.N. (2013) *Prizrak zolotogo eshelona Kolchaka. Krugobaikal'skaya zheleznaya doroga* [The specter of the Kolchak's golden echelon. Circular Baikal Railway]. Irkutsk.
15. Volkov S.V. (1994) Belaya Pravda [The White Truth]. *Nasha strana* [Our country] (Argentine), 9th Nov.
16. Volkov S.V. (1994) Prinuditel'nyi assortiment. *Nasha strana* [Our country] (Argentine), 19th Dec.
17. *Zabaikal'skii rabochii* [Zabaikalsky worker] (1918), 13.